

**ДОКТРИНА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ НЕЖИЗНЕСПОСОБНА
(НА ПРИМЕРЕ «ДОКТРИНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА РФ»
И «ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ СИНТЕЗИРУЮЩЕЙ МОДЕЛИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ» А.В. СМИРНОВА)**

В статье проведен сравнительный анализ доктринальной модели уголовно-процессуального права РФ, разработанной представителями Нижегородской школы уголовного процесса под руководством проф. А.С. Александрова, и гипотетической модели предварительного расследования А.В. Смирнова; рассмотрены ключевые моменты советской системы доказывания по уголовным делам; сформулированы предложения по исправлению проблем.

Ключевые слова: Институт следственных судей, доктринальная модель, реформа уголовного судопроизводства.

Среди прочих насущных вопросов государственно-правового строительства в России остро стоит проблема реформирования отечественного уголовного судопроизводства. Несмотря на относительно недавнее принятие УПК РФ (2001 год) и наличие в нем давно ожидаемых юридической общественностью норм состязательного характера, этот акт оказался неспособен решить существующие на практике вопросы.

Обращает на себя внимание несоответствие порядка уголовного судопроизводства ожиданиям потерпевшего и обвиняемого. В частности, слабо обеспечен доступ потерпевших к правосудию – в 2011 году имело место почти 25 миллионов обращений с заявлениями о преступлениях, только 12 миллионов признаны официальными сообщениями о преступлении и лишь 2 миллиона двести тысяч уголовных дел возбуждено; в суд направлено только 888 000 дел [1]. Не лучше и ситуация со стороны защиты – в ходе предварительного расследования прекращены только 64 000 уголовных дел, что составляет всего 1,9 % от числа находившихся в производстве; при этом судами стабильно выносятся менее 1 % оправдательных приговоров [2]. Из этого видно, что в большинстве случаев:

– лицо, считающее себя потерпевшим, не сможет добиться рассмотрения его дела судом;

– подозреваемый и обвиняемый – признание невиновным, даже при наличии оснований к этому.

Налицо системный сбой закона и практики, который не может быть преодолен внесением в уголовно-процессуальное законодательство «косметических» изменений. Очевидно, этим и вызвана попытка авторов нижегородской школы уголовного процесса во главе с профессором А.С. Александровым [2] разработать новую уголовно-

* © Савельев К.А., 2016

Савельев Константин Анатольевич (konsav67@gmail.com), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

процессуальную доктрину [3], которая оказалась бы свободной от старых недостатков. Эта задача требует выявления основных черт советской уголовно-процессуальной доктрины и причин, по которым она неспособна решать стоящие перед ней задачи в современных условиях – иначе любая новая доктрина обречена на старые ошибки.

Прежде всего советская система судопроизводства разрабатывалась авторами (М.С. Строгович, Н.Н. Полянский, М.А. Чельцов-Бебутов, А.Я. Вышинский и т. д.), которые были воспитаны в рамках состязательной системы Уставов уголовного судопроизводства 1864 года и прекрасно понимали как ее преимущества, так и недостатки. Тем не менее ими была сформирована уникальная советская система правосудия, которая, несмотря на отличие от европейской континентальной системы и англосаксонской системы общего права, эффективно решала стоящие перед ней задачи. К ее несомненным плюсам относится подавление всплесков преступности после событий 1917–1921 годов и Великой Отечественной войны. Более того, в 1937–1945 годы судами СССР было вынесено 10 % оправдательных приговоров, 1946–1953 годы – 9 %, 1954–1956 годы – 5,5 %, 1957–1966 годы – 2,5 %, после 1967 года – 1 % и менее [4]. Таким образом, в самые тяжелые годы массовых репрессий именно судебная система была наиболее либеральна¹, но чем более «демократичным» становился советский (а потом российский) политический режим, тем меньший процент подсудимых оправдывался судами. Апогея эта тенденция достигла в настоящее время, когда, согласно «Отчету о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2012 года» Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2012 году судами рассматривалось 1 033 868 уголовных дел; из них окончено 941 954 дела; по результатам рассмотрения вынесено только 5164 оправдательных приговора. Что еще более показательно, из общего числа оправдательных приговоров 3461 был вынесен по делам частного обвинения. Таким образом, по делам публичного обвинения было вынесено лишь 1703 оправдательных приговоров! Более того, количество оправданий продолжает уменьшаться. «Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2015 года» Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что в январе-июне 2015 года судами было вынесено только 278 оправдательных приговоров из 210 462 окончанных дел (без учета преступлений небольшой тяжести).

Рассмотрим ключевые моменты советской системы доказывания по уголовным делам.

Во-первых, она была основана на легистском правопонимании – допускались только прямо установленные законом действия и решения. В свою очередь, результаты не предусмотренных законом действий доказательственного значения не имели.

Во-вторых, законодатель сделал упор на проверяемости доказательств. В этих целях процедура собирания доказательств была детализирована до мелочей и включала в себя элементы, позволяющие прокурору и суду удостовериться в соблюдении этого порядка. Негласные действия по установлению обстоятельств дела (оперативно-розыскные мероприятия, действия по установлению оснований для возбуждения уголовного дела и т. д.) к появлению доказательств не вели из-за отсутствия у них законной процедуры и критерия проверяемости.

В-третьих, свободу оценки доказательств объективизировали требованием обосновывать внутреннее убеждение совокупностью имеющихся доказательств. Так как доказательства появлялись только в результате установленной законом процедуры, то и внутреннее убеждение *de lege ferenda* оказывалось следствием соблюдения закона.

В-четвертых, система органов доказывания оказалась жестко централизована. Провозглашалось, что все свои решения дознаватель, следователь, прокурор и суд прини-

мают самостоятельно, на основании *внутреннего* убеждения. На деле решения дознавателя и следователя определялись мнением руководителя соответствующего следственного органа и прокурора; влияние на них оказывала и судебная практика. В случае принятия самостоятельного решения, с которым были не согласны надзорные органы, оно отменялось, а карьера излишне самостоятельного следователя была под угрозой. Суд также не был свободен в своих решениях – его связывала позиция вышестоящего суда, поэтому все свои действия суд оказывался вынужден соизмерять не столько с внутренним убеждением, сколько с практикой кассационной и надзорной инстанций. Такое положение определялось нехваткой квалифицированных кадров, способных принимать качественные самостоятельные решения в сфере доказывания – если в период 1898–1916 годов доля юристов среди выпускников университетов Российской империи составляла 30 %, то в советский период доля юристов в выпуске высшей школы упала до 1,5–3 % [5; 6]. В условиях дефицита юристов проблема решалась привлечением в органы расследования лиц с непрофильным образованием, которые были способны работать только под непосредственным контролем начальника и прокурора, согласуя с ними все свои решения.

Указанные черты вели к формализации процесса доказывания – оказывается важным не содержание доказательства, а исключительно выполнение требований закона и следственно-судебной практики при его получении. В связи с этим способность доказательства устанавливать обстоятельства дела и достаточность доказательств крайне редко обосновывались в процессуальных актах, так как эти параметры сложно формализуются и требуют свободы внутреннего убеждения. По существу, такое положение можно охарактеризовать как «мягкую формальную теорию доказательств», отличающуюся от классической только менее выраженной иерархией доказательств².

Сохранение вышеуказанных родовых черт советского уголовного процесса в УПК РФ 2001 года гарантировало и отсутствие принципиальных изменений практики уголовного судопроизводства. Более того, попытка внедрения декларативной состязательности в действующее законодательство только ухудшила положение – требования к законности получения доказательств и их форме снизились³, а возможность защиты эффективно противодействовать обвинению реальной не стала.

Несоответствие действующей модели уголовно-процессуального доказывания требованиям современного общества вызвало предложения о системном изменении закона, разработанные профессором А.С. Александровым и профессором А.В. Смирновым [7].

Хотя эти проекты самостоятельны, они имеют ряд общих черт. В обоих случаях ключом реформирования уголовного процесса предполагается внедрение состязательного предварительного расследования – «Именно предварительное расследование есть истинное «светило» российского уголовного процесса и именно здесь лежит ключ к модернизации последнего. Поэтому реформа уголовного судопроизводства – это на данный момент, прежде всего, реформа его досудебных стадий» [7]. Для этого вводится новая процессуальная фигура – «следственный судья». К его функциям А.С. Александров предполагает отнести:

1. Применение мер пресечения;
2. Употребление мер процессуального принуждения к другим участникам процесса;
3. Санкционирование следственных действий, ограничивающих или нарушающих конституционные права и свободы личности;
4. Обеспечение права стороны защиты на собирание и представление в уголовное производство легальных информации, вещей, документов, представляемых в качестве доказательств;

5. Рассмотрение в ходе предварительного расследования жалоб и ходатайств заинтересованных лиц;

6. Депонирование показаний свидетелей, потерпевших от преступлений, а также представленных вещей, документов или информации, находящейся на телекоммуникационных каналах — при доказанности утверждений сторон о наличии исключительных обстоятельств испрашиваемой легализации доказательств и невозможности их закрепления иным способом (ст. 5.7. Доктринальной модели).

В свою очередь, А.В. Смирнов усматривает смысл деятельности следственного судьи в следующем:

1. Разрешение с участием сторон вопроса о возбуждении уголовного дела;
2. Применение к подозреваемому задержания;
3. Разрешение жалоб и ходатайств;
4. Санкционирование производства следственных и оперативно-розыскных действий;
5. Легализация собранных сторонами сведений в качестве судебных доказательств (без чего использованы они быть не могут);
6. Контроль законности и обоснованности как первоначального, так и окончательного обвинения;
7. Соединение и выделение уголовных дел, а также их приостановление;
8. Предание обвиняемого суду [7].

Таким образом, несмотря на неизбежную вариативность этих двух предложений, они едины в намерении сосредоточить в руках следственного судьи:

- Судебный контроль за расследованием;
- Принятие важнейших процессуальных решений;
- Легализацию доказательств обвинения и защиты.

Реализация этих задач независимым от обвинения органом представляется этим авторам гарантией состязательности и залогом правосудности дальнейшего приговора. Согласиться с этим нельзя.

Недостатки отечественного уголовного процесса традиционны с момента принятия УПК РСФСР 1922 года. Обвинительный уклон и массовые нарушения закона на предварительном расследовании отмечались много десятилетий назад; тогда они именовались «процессуальным упрощенчеством», с которым боролись органы советской юстиции на всем протяжении ее истории [8; 9]. Проблемы борьбы с нарушениями прав участников предварительного расследования рассматривались видными советскими процессуалистами с 30-х годов XX века [10].

Универсальным рецептом решения проблем всегда виделось введение в процедуру расследования независимого от следователя и дознавателя контрольно-надзорного органа. Многие годы им являлась прокуратура: выполняя функцию надзора, она обеспечивала законность расследования. Прокурор был независим от следствия; был обязан и имел возможность устранять нарушения прав любого участника процесса, включая защиту; санкционировал как следственные действия, так и меры пресечения; разрешал жалобы и ходатайства сторон; утверждая обвинительное заключение, решал вопрос о возможности направления дела в суд. В сущности, советский прокурор по своим правам и положению мало отличался от предлагаемого сейчас «следственного судьи» [11]. Этого оказалось недостаточно. Включенный в систему уголовного преследования, объединенный со следствием общей задачей борьбы с преступностью, прокурор не был способен противодействовать обвинительному уклону на предварительном расследовании.

Осознание неэффективности деятельности прокурора по руководству и надзору за расследованием породили мысль о том, что только орган состязательного правосудия —

независимый суд – способен исправить положение. Уже в 1992 году в уголовный процесс был внедрен *Habeas Corpus Act* – право арестованного на судебное обжалование законности и обоснованности содержания под стражей (ст. 220¹ и 220² УПК РСФСР). Действующий УПК РФ еще более расширил судебный контроль за предварительным расследованием, включив в него большинство полномочий, которыми проф. А.С. Александров и проф. А.В. Смирнов предлагают наделить следственного судью. Суд сейчас рассматривает жалобы на действия и решения органов предварительного расследования и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников процесса (ст. 125 УПК РФ), санкционирует производство ущемляющих права граждан следственных действий и мер пресечения (ст. 29 УПК РФ). Отсутствуют непреодолимые препятствия к легализации в судебном разбирательстве суда первой инстанции и использованию в качестве доказательств, представляемых защитой материалов, допросу свидетелей защиты, производству экспертиз и т. д.

Это опять не исправило ситуации. Независимость суда при контроле за следствием не обеспечила расширения состязательности и расцвета законности, так же как и ранее независимость прокурорского надзора.

Нет причин, по которым следственный судья окажется более эффективен в решении стоящих перед ним задач, чем ранее прокурор или судья. Он будет вынужден столкнуться с теми же закономерностями российского расследования, которые мешали его предшественникам.

Оба предложения не предполагают принятия уголовного дела к производству следственного судьи. Вследствие этого его участие в доказательственной деятельности приобретает фрагментарный характер – проверяются отдельные доказательства вне их места в совокупности доказательств; решения о применении мер пресечения и проведении следственных действий принимаются при невозможности оценить их целесообразность. Уже на первых шагах судебного контроля И.Л. Петрухин отмечал, что в задачу суда должна входить проверка не только соблюдения формальных (процедурных) условий ареста или другого решения, но и достаточности фактических оснований для применения той или иной меры пресечения, в том числе степень доказанности совершения преступления данным лицом, характеристика личности, вероятность уклонения от следствия и суда [4]. Это предложение реализовано не было – во многом потому, что без принятия дела к своему производству и исследования всех его обстоятельств суд не может проверить фактические основания своих решений. Сложившееся в результате положение признано неудовлетворительным. Но вместо исправления причин предлагается передать решение тех же самых вопросов следственному судье, который также не в силах проверить фактические основания своих решений без принятия дела к своему производству.

В отсутствие возможности проверки фактических оснований следственный судья неизбежно сосредоточится на оценке формального соответствия закону как действий органов расследования, так и своих собственных решений. А так как закон не способен предусмотреть всех возможных следственных ситуаций, слепое следование ему без учета фактических обстоятельств никак не улучшит положения участников расследования.

Более того, как в Доктринальной модели, так и предложениях А.В. Смирнова содержатся механизмы предварительной досудебной оценки собранных сторонами материалов как доказательств. В одном случае это их легализация в качестве судебных доказательств, при этом «Сведения, не прошедшие такой предварительной судебной проверки, не могут использоваться судом для принятия процессуальных решений по делу (за исключением решения о возбуждении уголовного преследования,

когда доказательств еще нет по определению) ни на предварительном следствии, ни в последующих стадиях» [7], в другом случае – депонирование доказательств (ч. 3 ст. 5.7 Доктринальной модели). Сверх этого, проверка и легализация в качестве доказательств осуществляются также в отношении «негласных следственных действий», являющихся полным аналогом оперативно-розыскных мероприятий. Если верификация результатов гласных следственных действий без глубокого изучения всех материалов дела затруднительна, то в отношении негласных – невозможна. Введение в процедуру ОРД или «негласных следственных действий» адекватных средств проверки законности производства и результатов сделает их гласными. Поэтому легализация доказательств следственным судьей не может не свестись к проверке правильности их оформления без учета доказательственной силы. В результате новый толчок получает теория формальных доказательств – следственного судью интересует только соответствие закону процедуры получения доказательств, но не их соответствие истине.

Вызывает сомнение и беспристрастность следственного судьи при производстве предварительного расследования. Как уже отмечалось, независимость прокурора и суда от расследования ранее уже не уберегли их от обвинительного уклона и вызвали к жизни предложения о внедрении фигуры *независимого* «следственного судьи». Между тем следственный судья действовал наиболее эффективно в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Но даже тогда вызывал нарекания обвинительный характер его деятельности: «Следственный судья должен, по всем законам вероятности, склониться туда, куда толкают его органические условия его деятельности, существо которых лежит в розыскных функциях. Поэтому господствующий характер его деятельности... создает из умного, энергичного следователя хорошего сыщика, склонного к обвинению и усматривающего в привлеченном не только объект исследования, но и виновного» [13, с. 31]. Получается, что вновь предлагаемая система следственных судей станет работоспособной только при условии набора в них кристально чистых идеалистов, которые будут противиться «органическим условиям своей деятельности» и неустанно конфликтовать со следователями и прокурорами в интересах защиты.

В основе предложенных концепций следственных судей и связанных с ними изменений порядка доказывания лежат свойственные иностранному уголовному процессу идеи и процессуальные институты. Являясь вполне разработанными теоретически, практически они могут действовать только совместно с большим количеством других, не противоречащих им, правовых норм. Попытка встроить их в ткань отечественного судопроизводства без принципиального изменения всей системы права и правоохранительных органов обречена на неудачу. Поэтому следует согласиться с авторами, возражающими против «американизации» российского уголовного процесса [14; 15]. Реформирование уголовного судопроизводства должно опираться на отечественные правовые формы – иной подход в очередной раз породит похожий на чудовище Франкенштейна неработоспособный гибрид, что и показали продолжающиеся третье десятилетие неудачные попытки улучшить наше право отдельными иностранными институтами (судебный контроль, сделки о признании, реформа пересмотра приговоров и т. д.).

Осмелимся предположить, что в теории и практике российского судопроизводства есть достаточно средств для исправления накопившихся проблем. Однако применяться они должны в неразрывной связи друг с другом и коррелировать с государственной политикой в области борьбы с преступностью.

Прежде всего основой любой реформы должно стать обеспечение справедливости судебного разбирательства. Предварительное расследование, при всей своей важнос-

ти, носит вспомогательный характер. Дознаватель и следователь будут допускать процессуальные нарушения только до тех пор, пока они игнорируются судом; прокурор продолжит закрывать глаза на недочеты расследования только при условии, если судья не обращает на них внимания. В свою очередь, суд первой инстанции будет мириться с односторонностью, неполнотой и ошибками расследования до тех пор, пока они не станут регулярной причиной отмены приговоров в апелляции и кассации.

Закон и сейчас не ограничивает суд в верификации доказательств, принятии доказательств защиты, отмене незаконных и необоснованных процессуальных решений, проверке оснований применения мер пресечения и главное — оправдании подсудимого вследствие сомнительности обвинения. Если общество и государство не устраивает существующая в уголовном процессе практика, положение достаточно быстро может быть трансформировано путем изменения практики пересмотра приговоров судами среднего и высшего звена. Для этого не нужно разрабатывать новых концепций и теорий.

Конечно, расследование далеко не идеально не только на практике, но и теоретически. Положение современного российского следователя во многом сведено к функции простого писаря, оформляющего материалы дела по стандартному образцу. Он обязан следовать ведомственным интересам и безропотно выполнять все указания руководителя следственного органа. Внутреннее убеждение лица, ведущего расследование, отражается на оценке доказательств и принятии процессуальных решений только в одном случае — если оно полностью совпадает с мнением руководителя и прокурора. Поэтому принципам свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), законности (ст. 7 УПК РФ), состязательности (ст. 15 УПК РФ) соответствовала бы такая независимость следователя, которая обеспечила бы ему реальную возможность руководствоваться своим внутренним убеждением как при собирании, так и оценке доказательств. Но если внутреннее убеждение следователя не будет сочетаться с реальной состязательностью последующего судебного разбирательства, не будет и каких-либо положительных сдвигов в достижении целей уголовного процесса в целом.

Примечания

¹ Более того, независимость советских судов 30-х годов XX века привела к распространению таких внесудебных органов репрессий, как «тройки», Особое совещание НКВД СССР и т. д. — власть сомневалась в своей способности заставить суд явно нарушать закон.

² Несмотря на прямой запрет закона (ст. 57 УПК РСФСР 1923 года; ст. 71 УПК РСФСР 1960 года), в судебной практике преимущество перед иными доказательствами имело признание обвиняемого, а в целом — обвинительные доказательства перед оправдательными.

³ Случаи признания доказательств недопустимыми остаются единичными, хотя качество доказывания по уголовным делам остается невысоким. Среди прочего это объясняется возложением обязанности установления факта нарушения и признания незаконно полученного доказательства недопустимым на тот же орган, который и нарушал закон — дознавателя, следователя и суд.

Библиографический список

1. Мария Шклярук Траектория уголовного дела в официальной статистике на примере обобщенных данных правоохранительных органов. URL: http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014/IRL_2014.04_MShklyaruk_Trajectory-of-Criminal-Case.pdf.

2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ. URL: <http://yadi.sk/d/wCzte-FofwRR5>.

3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ / авт. осн. идеи – А.С. Александров; исполн.: А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, С.А. Грачев [и др.]. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766>.
4. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009.
5. Ганин В.В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX–XX в.) // История и современность. 2012. № 3.
6. Ганин В.В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России, конец XIX–XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
7. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.
8. Резолюция 1 Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников // Советская юстиция. 1934. № 13.
9. О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июня 1934 года.
10. Строгович М.С. Избранные труды: гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве: в 3 т. Т. 2. М., 1992.
11. Барабаш А.С. Прокурор – следственный судья // Уголовная юстиция: связь времен. М., 2012.
12. Петрухин И.Л. Судебные гарантии прав личности (в уголовном процессе) // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М., 1992.
13. Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895.
14. Головкин Л.В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html.
15. Головкин Л.В. Следственные судьи, или Очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? URL: <http://www.iuaj.net/node/1740>.

References

1. Mary Shklyaruk. Trajektoriia ugovnogo dela v ofitsial'noi statistike na primere obobshchennykh dannykh pravookhranitel'nykh organov [Trajectory of criminal case in the official statistics on the example of summary data of law enforcement agencies]. Retrieved from: http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014/IRL_2014.04_MShklyaruk_Trajectory-of-Criminal-Case [in Russian].
2. *Doktrinal'naia model' ugovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF* [Doctrinal model of criminal procedure law of evidence of the Russian]. Retrieved from: <https://yadi.sk/d/wCzte-FofwRR5> [in Russian].
3. *Doktrinal'naia model' ugovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF* [Doctrinal model of criminal procedure law of evidence of the Russian]. Author of the main idea – A.S. Alexandrov. Perpetrators: A.S. Alexandrov, N.N. Kovtun, A.S. Grachev [et. al.]. Retrieved from: <http://www.iuaj.net/node/1766> [in Russian].
4. Petrukhin I.L. Sudebnye garantii prav lichnosti (v ugovnom protsesse) [Judicial guarantees of individual rights (in criminal procedure) in *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'iu v Rossii i za rubezhom* [Actual problems of fighting crime in Russia and abroad]. М., 1992 [in Russian].
5. Ganin V.V. Gosudarstvennaia politika v oblasti podgotovki iuridicheskikh kadrov Rossii (konets XIX–XX v.) [State policy in the field of training of legal personnel in Russia (end of XIX–XX centuries)]. *Istoriia i sovremennost'* [History and Present], 2012, no. 3 [in Russian].
6. Ganin V.V. Gosudarstvennaia politika v oblasti podgotovki iuridicheskikh kadrov Rossii, konets XIX–XX v.: *Dissertatsiia na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk* [State policy in the field of training of legal personnel of Russia, end of the XIX–XX centuries. Doctor's of Historical Sciences thesis]. М., 2003 [in Russian]. Barabash A.S. Prokuror – sledstvennyi sud'ia [Public prosecutor – investigative judge] in *Ugovnaia iustitsiia: sviaz' vremen* [Criminal justice: the link of times]. М., 2012 [in Russian].
7. Smirnov A.V. Rossiiskii ugovnyi protsess: neobkhodima novaia model' [Russian criminal trial: need of a new model]. Retrieved from: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html [in Russian].

8. Rezoliutsiia 1 Vsesoiuznogo soveshchaniia sudebno-prokurorskikh rabotnikov [Resolution of the 1 all-Union meeting of judicial and procuracy officers]. *Sovetskaia iustitsiia* [Soviet Justitia], 1934, no. 13, p. 11 [in Russian].

9. O neobkhodimosti strozhaishego sobliudeniia sudami ugovovno-protsessual'nykh norm: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 7 iunია 1934 goda [On necessity of the strictest observance by the courts of criminal and procedural rules: decision of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated June 7, 1934].

10. Strogovich M.S. Izbrannye trudy: garantii prav lichnosti v ugovovnom sudoproizvodstve. V 3 tomakh. T. 2 [Selected works: guarantees of individual rights in criminal proceedings. In 3 Volumes. Vol. 2]. M., 1992 [in Russian]

11. Barabash A.S. Prokuror – sledstvennyi sud'ia [Public prosecutor – investigative judge] in *Ugolovnaia iustitsiia: sviaz' vremeni* [Criminal justice: the link of times]. M., 2012 [in Russian].

12. Petrukhin I. L. Opravdatel'nyi prigovor i pravo na reabilitatsiiu [Acquittal and the right to rehabilitation]. M., 2009 [in Russian].

13. Danevsky V.P. Nashe predvaritel'noe sledstvie, ego nedostatki i reforma [Our preliminary investigation, its shortcomings and reform]. M., 1895 [in Russian].

14. Golovko L.V. *Institut sledstvennykh sudei: amerikanizatsiia putem manipuliatsii* [Institute of investigative judges: Americanization through manipulation]. Retrieved from: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.htm [in Russian]

15. Golovko L.V. Sledstvennye sud'i ili ocherednoi raund «amerikanizatsii» rossiiskogo ugovovnogo protsesssa? [Investigating judges or another round of «Americanization» of the Russian criminal process?]. Retrieved from: <http://www.iauj.net/node/1740> [in Russian].

*K.A. Savelyev**

**DOCTRINE OF THE INVESTIGATIVE JUDGES IS NOT VIABLE
(ON THE EXAMPLE OF «DOCTRINAL MODELS OF CRIMINAL PROCEDURE
LAW OF EVIDENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION»
AND «HYPOTHETICAL SYNTHESIZING MODELS
OF THE PRELIMINARY INVESTIGATIONS» BY A.V. SMIRNOV)**

In the article the comparative analysis of doctrinal model of criminal and procedural law of the Russian Federation developed by the representatives of Nizhny Novgorod School of the Criminal Process under the guidance of professor A.S. Alexandrov and hypothetic model of preliminary investigation by A.V. Smirnov, key moments of the Soviet system of proving on criminal cases are viewed, suggestions on correction of problems are formulated.

Key words: institution of investigating judges, doctrinal model, reform of criminal procedure.

* *Saveliev Konstantin Anatolyevich* (konsav67@gmail.com), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.